

З.Г. Сактаганова^{1*}, А.Г. Гладышева²

¹Карагандинский университет имени академика Е.А.Букетова;
Центр этнокультурных и историко-антропологических исследований, Караганда, Казахстан;

²Москва, Россия
(E-mail: zauresh63@mail.ru; a.gladysheva2010@yandex.ru)

Дети Карлага: условия содержания по материалам архивов и воспоминаний

Одним из контингентов заключенных Карлага были дети, разделившие трагическую судьбу своих матерей, многие/некоторые из которых оказались в лагере как «ЧСИР» — «члены семей изменников Родины». В статье рассмотрена историография детской лагерной тематики по Карлагу, авторы резюмируют, что проблема «дети Карлага» в отечественной историографии исследована фрагментарно и весьма поверхностно, отсутствуют системные, фундаментальные работы. В данной публикации предпринята попытка, на основе архивных материалов, воспоминаний и интервью бывших маленьких узников Карагандинского ИТЛ, оказавшихся в одном из самых зловещих лагерей Казахстана, отследить условия содержания и фрагменты лагерной жизни. Источниковая база статьи представлена тремя основными типами письменных исторических источников 30–50-х гг. XX в.: нормативно-правовые документы по лагерям ГУЛага, делопроизводственная документация Карлага и статистические материалы из Архивных фондов РК и РФ о численности, смертности детей и т.п. В статье использованы фрагменты воспоминаний узников Карлага из опубликованных сборников, а также материалы интервью, взятые одним из авторов данной публикации у бывших узников Карагандинского ИТЛ. В статье задействованы документы Архивных фондов РК (фонд Политотдела Карлага из Государственного архива Карагандинской области; фонд Управления Карлага из Архива Управления Комитета правовой статистики и специальным учетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан по Карагандинской области) и РФ (фонд Главное управление мест заключения (ГУМЗ) Министерства Внутренних дел СССР из Государственного архива Российской Федерации).

Ключевые слова: ГУЛаг, Карлаг, дети ГУЛага, дети Карлага, узники Карлага, ЧСИР, лагерное детство, условия содержания детей в ИТЛ, детская лагерная повседневность.

Введение

Крупнейший в республике из лагерей ГУЛага был Карагандинский исправительно-трудовой лагерь (Карлаг). История функционирования Карлага, через который прошло около 1 миллиона заключенных, стала страшным символом тоталитарного режима СССР и масштабных политических репрессий в советский период. Одним из контингентов заключенных Карлага были дети, разделившие трагическую судьбу своих матерей, многие/некоторые из которых оказались в лагере как «ЧСИР» — «члены семей изменников Родины». В историографии лагерная тематика имеет определенные традиции разработки [1], но тема «дети ГУЛага в Казахстане» остается мало изученной. Проблема «дети Карлага» в отечественной историографии исследована фрагментарно и весьма поверхностно, до сих пор отсутствуют системные, фундаментальные работы. Историографический анализ демонстрирует значительные лакуны в разработке этой темы. Невнимание к детям и феномену детства привел к тому, что дети не только в контексте истории Карагандинского или казахстанских ИТЛ, в целом, в системе ГУЛага остались «наиболее молчаливыми и наиболее замалчиваемыми среди всех действующих лиц истории» [2].

В данной публикации предпринята попытка, на основе архивных материалов, воспоминаний и интервью бывших маленьких узников Карагандинского ИТЛ, отследить условия содержания и фрагменты лагерной жизни, оказавшихся в одном из самых зловещих лагерей Казахстана.

Карлаг, с его центром в Долинке, стал символическим местом для изучающих детство в советском ГУЛаге. Сюда отправлялись жертвы оперативного приказа НКВД СССР № 00486 от 15 августа 1937 г. о репрессиях «членов семей изменников родины». В пункте 5 упомянутого выше приказа предписывалось не арестовывать беременных женщин: «5. Аресту не подлежат: а) беременные; жены осужденных, имеющие грудных детей; тяжело или заразно больные; имеющие преклонный возраст.

*Автор-корреспондент. E-mail: zauresh63@mail.ru

В отношении таких лиц временно ограничиваться одобрением подписки за семьей: невыезде с установлением тщательного наблюдения» [3; 235]. Но арестовывали и беременных женщин, поскольку некоторые из женщин — «ЧСИР» были беременны.

Не соблюдались и пункты 19, 20, 21 статьи «Размещение детей осужденных».

Пункт 19 предписывал: «Всех оставшихся после осуждения детей-сирот размещать а) детей в возрасте от 1–1,5 лет и до трех полных лет — в детских домах и яслях Наркомздравов республик в пунктах жительства осужденных; б) детей в возрасте от 3 полных лет и до 15 лет — в детских домах Наркомпросов других республик, краев и областей (согласно установленной дислокации) и вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов.

20. В отношении детей старше 15 лет вопрос решать индивидуально. В зависимости от возраста, возможностей самостоятельного существования собственным трудом или возможностей проживания на иждивении родственников такие дети могут быть: а) направлены в детские дома Наркомпросов республик в соответствии с 1. «б» ст. 19; б) направлены в другие республики, края и области (пункты, за исключением перечисленных выше городов) для трудового устройства или определения на учебу.

21. Грудные дети направляются вместе с их осужденными матерями в лагеря, откуда по достижении возраста 1–1,5 лет передаются в детские дома и ясли Наркомздравов республик.

22. Дети в возрасте от 3 до 15 лет принимаются на государственное обеспечение.

23. В том случае, если оставшихся сирот пожелают взять другие родственники (не репрессированные) на свое полное иждивение, — этому не препятствовать» [3; 236]. Размещали грудных детей не в детских домах и яслях Наркомздравов республик, а в детских отделениях при лагерях: сначала ребенок содержался в лагерных яслях, потом они переводились в детские дома. Не всегда передавали детей ЧСИР другим родственникам (не репрессированным) на их иждивение и т.д. По данным председателя Международного общества «Мемориал» А.Б. Рогинского, по данному приказу было «изъято» около 25 тысяч детей [4].

Жизнь таких детей иногда была очень короткой. Не случайно, кладбище, где хоронили родившихся в Карагандинском ИТЛ детей, называлось «Мамочкино кладбище» [5]. Оно находилось на территории структурного подразделения Карлага — В Центральном полеводческом отделении (ЦПО), в 30 км от г. Караганды и недалеко от поселка Долинка (центр Карлага) (ныне Абайский район Карагандинской области). Недалеко от него был расположен родильный дом. Точных данных о количестве родившихся и умерших в Карлаге детей нет. «ЦПО называли «мамкиным домом», так как там содержались узницы, которые вот-вот должны были родить детей и женщины с младенцами после родов. Дети содержались с матерями до трех-четырёх лет... после их направляли в детские дома — Компанейский, Литвиновский, Осакаровский и Бесобинский» [6].

Методология, методы и материалы исследования

Теоретической и методологической основой публикации послужили теоретические конструкции и наработки авторов трудов предшествующей историографии. В зарубежной историографии работ о детях ГУЛага немного. Т.У. Белл опубликовал труд по истории лагерных браков ГУЛага, в данной статье на базе мемуаров бывших заключенных-женщин рассматриваются положение беременных и родивших женщин, история детей в лагерных яслях [7]. Интересное исследование было проведено Келли Руни, в работе автора показаны положение детей «врагов народа» за колючей проволокой, повседневная жизнь детей в лагерях, их трудоустройство на различных месторождениях [8]. Статья М. Кравери и А.-М. Лошонци посвящена истории депортированных детей из Центральной и Восточной Европы [9]. На основе мемуаров бывших заключенных создан сборник воспоминаний со 170 свидетельствами (в том числе подростков лагерей ГУЛага) из Прибалтики, Чехии, Германии, Венгрии, Польши, Казахстана. Проблемой «Дети ГУЛага» интенсивно занималась Э. Маккиннон, она рассматривала опыт детей, родившихся в тюрьмах или в лагерях, изучала способы и стратегии выживания детей в стенах ГУЛага [10].

В российской историографии только с середины 1990-х гг. начинают публиковаться работы, посвященные детям ГУЛага, статьи по проблемам детской повседневности, в частности, публикация С.В. Журавлева и А.К. Соколова «Счастливое детство» [11]. В 2002 г. был издан фундаментальный сборник документов «Дети ГУЛага. 1918–1956» [3]. Появление первой такого рода документальной работы о детях лагерей в 40-томной серии «Россия. XX век. Документы» стало в некотором смысле прорывным явлением российской историографии по лагерной тематике. В сборнике на архивных материалах отслеживается детская тематика, как проблема жертв тоталитарного режима. Изучались

российскими авторами проблемы детства в отдельных лагерях СССР [12]. Были опубликованы работы о школьной повседневности в АЛЖИРе, в частности, в исследовании М.С. Соегова изучены судьбы детей ГУЛага по материалам воспоминаний и фотографий из историй детей-близнецов Зелили и Эдуарда [13].

Весьма скудно представлена отечественная историография: работы, по касательной затрагивающие проблему детства, в казахстанской историографии начинают появляться только в начале 2000-х. В единичных исследованиях представлены параграфы по истории лагерного детства: например, в публикации С.Д. Шаймухановой есть параграф о детях Карлага [14]. О возрастных категориях детей АЛЖИРа, принципах распределения детей в лагере, взаимоотношениях с матерями рассказывается в отдельном разделе монографии А.Р. Кукушкиной [15]. С.К. Бастемиев анализирует историко-правовые основы деятельности лагерей, в том числе, речь идет об ИТЛ для содержания беспризорников и юных преступников [16].

Из первых специальных небольших по объему работ (59 страниц), посвященных детям Карагандинского ИТЛ, следует выделить работу «Дети Карлага», изданную Центром правовой статистики Карагандинской области в 1999 г. (в архиве данного учреждения находился фонд архивных документов Карагандинского ИТЛ) [17]. В данной работе заместитель прокурора Карагандинской области, полковник юстиции В.В. Горецкий приводит список 1507 детей, родившихся у женщин Карлага (документы фонда Карлага до сих пор до конца не рассекречены).

В 2015 г. была издана книга-альбом д.ю.н., профессора Н.О. Дулатбекова с детскими фотографиями, фото личных вещей и рисунков, в альбоме приведены письма детей к матерям-заключенным, имеются воспоминания осужденных женщин и детей [5].

При написании статьи были использованы научные общенаучные методы исследования (анализа и синтеза, дедукции и индукции), методы аналогии, обобщения, системного подхода, методы эмпирического исследования (сравнения, описания) и др. Были применены специальные исторические методы, в частности, историко-системный, проблемно-хронологический и другие методы, которые позволили систематизировать и провести анализ документальной базы статьи.

Источниковая база статьи представлена преимущественно тремя основными типами письменных исторических источников 30–50-х гг. XX в.: нормативно-правовые документы по лагерям ГУЛага, делопроизводственная документация Карлага и статистические материалы из архивных фондов РК и РФ о численности, смертности детей и т.п. В статье задействованы документы Архивных фондов РК: Фонд 1171 — Политический отдел Карагандинского исправительно-трудового лагеря (Политотдел Карлага) из Государственного архива Карагандинской области (ГАКО), фонд 16 — Управление Карагандинского исправительно-трудового лагеря (Карлаг) из Архива Управления Комитета правовой статистики и специальным учетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан (УКПСи СУ ГП РК) по Карагандинской области. Из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) приведены материалы из фонда Р-9414 — Главное управление мест заключения (ГУМЗ) Министерства Внутренних дел СССР (1930–1960 гг.). Были использованы фрагменты воспоминаний узников Карлага из опубликованных сборников воспоминаний, также интервью, взятые одним из авторов данной публикации А.Г. Гладышевой у бывших узников Карагандинского ИТЛ (Г. Каретников, И. Басырова и И.К. Демина). Данные архивные и устные источники позволили, на наш взгляд, в статье поставить проблему условия содержания детей в Карагандинском ИТЛ.

Обсуждение проблемы и результаты исследования

Согласно архивным справкам, в Карлаге существовали детские отделения в 7 лаготделениях Карлага [5; 6]. На 29 июня 1952 г. в составе Карлага: в Каражарском лаготделении имелись Дом младенца на 150 детей, Детизолятор на 10 мест, Родильное отделение от 5 до 10 коек; в Топарском лаготделении имелись Дом младенца на 200 детей, Детизолятор на 10 мест, Родильное отделение от 5 до 10 коек; в Бидайском лаготделении имелись Дом младенца на 200 детей, Детизолятор на 10 мест, Родильное отделение от 5 до 10 коек; в Акмолинском лаготделении имелись Дом младенца на 150 детей, Детизолятор на 10 мест, Родильное отделение до 5 коек; в Карабасском лаготделении имелись Дом младенца на 25 детей; в Долинском и Самарском (Дом младенца на 150 детей) лаготделениях также имелись дома младенца, детизоляторы, родильное отделение [18; 236–244].

Анализ текстов приказов, справок и других документов позволяет изучить условия содержания маленьких заключенных. В частности, в архивных материалах за 1937 г. зафиксировано: «Помещения дет-ясель содержатся грязно, всюду в палатах клопы и мухи. Обслуживающий персонал свои обязан-

ности выполняет недобросовестно, отсутствуют требовательность и дисциплина, матери детей, содержащихся в яслях, грубо и безнаказанно нарушают установленный порядок и режим в яслях, пища однообразна, есть факты хищений продуктов и инвентаря» [19; 347, 348].

Еще несколько фрагментов из документов архива позволяет представить условия содержания детей в детских отделениях. «Согласно приказу № 117 Управления Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД от 23 марта 1938 г. становится понятным, что в результате проведенного обследования детских яслей в Чурубай-Нурунском отделении комиссией были выявлены ряд существенных недочетов и ненормальностей:

1. Установленные нормы молока для детских яслей полностью не выдаются, вместо молока отпускается пахта.

2. Ясли не снабжаются в достаточном количестве топливом, вследствие чего имеют место массовые гриппозные заболевания в дет-яслях. Часть помещения не отапливается и в момент обследования, а до этого момента были дни, когда температура в яслях едва достигала 9 градусов.

3. Метраж, отпускаемый для пошивки детского вещдоловствия, задерживается в складах части снабжения.

4. Распоряжение от 27.02. с.г. за № 779-1309 о выделении обслуги яслей в отдельное помещение Начальником отделения до сих пор не выполнено.

5. Прачечная дет-яслей содержится в антисанитарном состоянии — стоки для отработанной воды засорены и не работают, технадзор отсутствует.

6. Несмотря на то, что для пошивки детского вещдоловствия был отпущен материал и выкройки к нему, что облегчало работу пошивкой его — сшиты же комбинезоны чрезвычайно неудобные и затрудняющие уход за детьми» [20; 228, 229]. Документ подписан начальником Управления Карлага НКВД, старшим лейтенантом госбезопасности Лениным.

В тяжелейших условиях находились и беременные женщины. «Проведенной Прокуратурой Карлага НКВД проверкой выполнения Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 8/VII-44 г. об оказании помощи беременным женщинам и кормящим матерям в подразделениях лагеря установлено, что Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 8/VII-44 г. в некоторых отделениях не выполняется.

1. Кормящие, беременные, многодетные женщины и одинокие матери на учет не поставлены.

2. Расчеты с детскими учреждениями за содержание детей производится по-старому, так как никаких указаний со стороны ФИНО Управления на этот счет в отделения не дано.

3. Имеются нарушения в части выдачи дополнительных карточек беременным женщинам и кормящим матерям, так, например, в Батыкском отделении 5 человек указанной выше категории женщин, получившие справки врача на дополнительное питание со II-й половины августа, вторую карточку на питание не получили, несмотря на неоднократные требования отделения, только лишь потому что карточное бюро Управления своевременно не подготовило необходимое количество карточек.

4. В некоторых отделениях для беременных и кормящих матерей не создаются нормальные условия, так, например, 22/VIII с.г. в Бурминском отделении при проверке санитарно-бытовых условий в одном из подконвойных барачков было установлено, что беременная заключенная Манькова совершенно не имеет никакой постельной принадлежности и нательного белья, спит на голых нарах, не имея даже соломенного мата [матраса], завернувшись одеялом. Такие факты имеются и в других отделениях. Прокурор Карлага НКВД советник юстиции Степанов» [21; 236].

Из протокола собрания партийного актива Карагандинского исправительно-трудового лагеря МВД от 01/02.04.1949 г.: «Положение с размещением детей и матерей заключенных у нас исключительно тяжелое. Площадь наших Домов младенцев может максимально вместить 500–600 детей, мы же имеем уже 1100 детей и около 400 беременных из числа заключенных, следовательно, в ближайшее время должны будем думать о размещении 1500 детей. Практических возможностей для этого никаких нет. Мы уже были вынуждены пойти на то, чтобы оставлять детей и матерей заключенных в отделениях вне Домов младенца.

Это мероприятие было встречено начальниками отделений совершенно безответственно. Не желая понять общей тяжести создавшегося положения, они вместо того, чтобы немедленно принять все меры к созданию более или менее приемлемых условий для содержания матерей с детьми, занялись перепиской. Никакие трудности не могут оправдать такого положения, когда в Котурском отделении

двух матерей с детьми поселили в одной палате с больными сифилисом и туберкулезом, в Сарептском отделении детей не обеспечили ни пеленками, ни мылом...

Дальнейшее уплотнение наших Домов младенца невозможно. При норме в 4 кв. м на одного ребенка, предусмотренной приказом МВД № 0190, мы в таких Домах младенцев, как Самарском и Акмолинском, имеем в спальнях для грудничков 0,7 кв. м. Дети лежат по 3–4 в одной кроватке.

Санотдел со своей стороны по вопросу с недопустимыми условиями в размещении детей обращался буквально во все инстанции, начиная с местных и кончая вышестоящими. Но безрезультатно, положение не только не улучшилось, а с каждым месяцем усугубляется, так как растет число беременных, как за счет нашего основного контингента, так и за счет поступлений извне» [22; 34–37].

Уровень заболеваемости и смертности детей в Карлаге демонстрирует содержание письма начальника политотдела ГУЛага НКВД СССР, бригадного комиссара Васильева от 16 декабря 1939 г. «О заболеваемости и смертности детей в Карлаге». «По Вашему лагерю отмечается крайне высокая смертность среди детей заключенных матерей. Из общего числа детей — 514, имеющих в лагере, за сентябрь и октябрь месяцы умерло — 98 человек, что составляет 18 % к наличному составу детей. Из числа умерших за эти два месяца, 46 человек умерло от воспаления легких, что составляет 50 % всей смертности. Смертность от воспаления легких объясняется крайне неудовлетворительной постановкой лечебного дела, несвоевременной госпитализацией и безобразной постановкой профилактической работы в дет-яслях, в результате чего имеется большое количество простудных заболеваний с последующими осложнениями на легкие» [23; 61].

Условия содержания детей в Карагандинском лагере, эпизоды детских судеб отслеживаются в воспоминаниях бывших заключенных ИТЛ — маленьких узников Карлага.

В интервью Г. Каретников рассказывал о своей матери, арестованной в Москве в 1937 г.: «...когда за ней пришли, это ночью было, как она мне рассказывала... Я даже думаю, что она не знала, что она беременна мной, когда за ней пришли. Потом её уже взяли и отправили... допрос в КГБ, Бутырка... товарняк и через Россию в Северный Казахстан, в этот лагерь... Вот это было в 1938 году, в начале года... потому что в октябре 1938 года я родился. Подробности — как она меня носила, вынашивала, я не знаю... Мои ощущения — уже за проволокой детского барака, и память начинается оттуда — от проволоки, от ограждения, от рва перед проволокой, зимой... И я помню уже этот барак, взрослый, женский, когда мама пришла за мной. Уже мне было 7 лет. Или 6? Потому что она там, на вольном поселении была ещё рядом, когда её выпустили, освободили. И, когда уже срок закончился, она пришла за мной и повела меня в женский барак...».

Г. Каретников вспоминал пространство за лагерной проволокой: «Это первое, кстати, одно из самых пронзительных впечатлений... проволока всегда, но то, что за проволокой я же вижу — что там: эти степи казахстанские — довольно печальное, пустынное зрелище... И детское впечатление: цветы за проволокой... Но вокруг пустота и дорога, далеко, по которой идут фигуры женщин. Да, это было видно, это я помню. И даже мне воспитательница наша, тоже из заключенных, её имя было Сима Моисеевна, она говорила: «Вот там идёт твоя мама...». «Для меня мамой была Сима Моисеевна (воспитательница в детском бараке), потому что она нас кормила, приносила еду, за нами смотрела, горшки нам таскала. Ведь нас же было немного, в начале, по крайней мере». «Я помню только как Сима Моисеевна нас кормила кашей всё время и каким-то супом. И она сама, видимо, была голодна всегда. А мы, нам надоела уже эта еда — манная каша какая-то на воде или что-то такое. Она говорила, что очень вкусно: «Вот хотите, я попробую, и вы увидите, как это вкусно». Ей тоже еды не хватало, на самом деле. Но детей всё-таки как-то кормили...». [24].

По свидетельству Г. Каретникова, детский барак находился за лагерной оградой. «Он был отдельно, не внутри лагеря. Мои воспоминания... во-первых, радио, когда провели его к нам в детский барак. И нас поднимали по утрам, чтобы стоять в кроватках под гимн Советского Союза. Обязательно». «Нас было несколько пар. Водили, кстати, в хорошую погоду за проволоку. Воспитатели водили, потому что пространство было маленькое, барак наш был небольшой... Когда мама меня кончила кормить, мы жили в землянке. Раньше же она мне рассказывала, что её вместе со мной, грудником, поместили вот в этот барак. Они нам его вырыли, или сложили... Барак, а мама называла его землянка, типичная была землянка. В землянке была ещё одна пара, я не помню... Мама говорила, что в землянке они были вместе с сыном и матерью Плисецких, это Рахиль Плисецкая, мама Майи» [24].

Еще одно воспоминание — Тамара Косталевская о своей матери и о своем рождении: «В момент ареста мама (Карпович Антонина Алексеевна. Арестована осенью 1938 г., статья — ЧСИР; срок 8 лет в ИТЛ) была беременна, приблизительно два месяца. И я родилась в лагере, в Акмолинском отделе-

нии Карлага, 26-я точка» [25; 114]. «Я пробыла там с мамой до ее освобождения восемь или девять лет, точно не помню... Потом мы с мамой освободились и жили уже в ссылке, на маленькой станции, минутах в двадцати от Акмолинска. Мама работала в артели. Там было много бывших заключенных [25; 118].

«За восемь лет пребывания в лагере единственным нашим развлечением была лошадка, которая вывозила каждый день мертвых — они лежали в телеге, прикрытые брезентом, из-под которого торчали руки и ноги. Но мы как-то не задумывались о смерти. И даже ждали эту лошадку, в сумерках, когда вывозили трупы...». «Я только могу сказать, что мы жили за зоной, это было несколько барачков, барачков пять, по которым я бегала. Это были длинные бараки. Посредине столбы стояли, и очень донимали клопы... Лагерный (детский сад) находился там же, в пределах лагеря, я это помню. Нас, детей, содержали в группах. Наша группа была небольшая, человек пятнадцать. Жили мы в одноэтажном доме, комнаты мальчиков и девочек отдельно. В комнате для девочек было до десяти коек. Я даже зрительно могу подсчитать число кроваток» [25; 116, 117]. «... За нами ухаживали женщины — не то политические, не то заключенные какой-то другой категории. Я не знаю. Но отношение к нам было не совсем человеческое. Мне казалось, что меня просто ненавидели. Может, это только ко мне так относились, но я была ребенком, я не знаю. Я не чувствовала любви со стороны этих женщин. С матерью мы иногда встречались; мама была рядом, мы это знали. Я всегда ее ждала. Может быть, я особенно ждала, но когда я говорила, что сегодня придет моя мама, надо мной почему-то все смеялись. И смеялись не только взрослые, но и дети. Там как-то странно было. Во дворе горка, но меня не пускали к ней, и велосипед был, который мне тоже не давали. Жестокость там была. Отбирали мои игрушки...

А был такой случай. Ночью нам не разрешали выходить в коридор. Но, очевидно, у меня расстроился желудок, и я вылезла из кровати. И стала искать горшок. Я его не нашла и со мной случилась беда прямо в кровати. Когда это обнаружилось, то меня раздели догола, поставили на скамейку, собрали вокруг меня всех детей... и каждый ребенок, чем мог, тем в меня и бросал, во все места (плачет)... щипали, тыкали. Меня просто пригвоздили к позорному столбу. Я испытала такое унижение, которое не могу забыть до сих пор.

Была там, правда, одна пожилая женщина, звали ее Хана Самойловна. Она была детский врач, доктор наук из Москвы, она очень любила меня. Не только меня, а всех детей. Но, по свидетельству моей мамы, она тоже была заключенной, политической. Потом, когда во время войны стали собирать женщин-врачей, ее увезли в Москву. В семь месяцев я очень сильно заболела — воспаление почечных лоханок. И вот Хана Самойловна целыми ночами носила меня на руках, и только благодаря ей я осталась жива. Она, говорила мама, была рядом все время...» [25; 118].

Т. Косталевская вспоминала, что «случались еще драки за забором, у бытовиков. Я не раз наблюдала и драки, и поножовщину». Она с большой благодарностью вспоминала казахов, местное население, «которое всегда было щедрым и открытым». [25; 118, 119].

Другие дети вспоминали о постоянных унижениях, перенесенных в лагерных яслях. Н.Н. Симонина, родившаяся в Карлаге в 1938 г., пишет в своих воспоминаниях: «Жила я, естественно, не с ней (матерью), а недалеко от зоны, в Детдоме для детей политзаключенных. Память детства, годы, проведенные в детдоме, очень мало запечатлелись... В нашем Детдоме жили дети от грудного возраста до школьного периода. Условия проживания были тяжелыми, кормили нас плохо. Приходилось лазить по помойкам, подкармливаться ягодами в лесу. Очень многие дети болели и умирали. Но самое страшное, над нами там издевались в полном смысле этого слова. Нас били, заставляли долго простаивать в углу на коленях за малейшую шалость... Однажды во время тихого часа я никак не могла заснуть. Тетя Дина, воспитательница, села мне на голову, и если бы я не повернулась, возможно, меня бы не было в живых. Жила я там до 1946 года, пока не освободилась из заключения мама (пробыла она в лагерях 12 лет)...» [3; 245].

По некоторым свидетельствам, когда матери выходили из лагеря на вольное поселение, дети еще оставались в лагерных детсадах. Старший брат И.К. Деминой Игорь родился еще в лагере, в мае 1953 г. (за год до освобождения матери). Через год, после рождения, когда мать уже была на вольном поселении, они с братом все еще находились в лагерных яслях. Тогда в 1954 г., в лагере была эпидемия полиомиелита. «Брату моему повезло меньше. Он был в этом лагере. Там, где жили, в этом совхозе Самарском (Карабас) была эпидемия полиомиелита, он переболел. Мне было месяца два, мне повезло больше. А он остался на костылях на всю жизнь» [26].

Инна Басырова, вдова Гарифа Басырова, родившегося в Карлаге в марте 1944 г., рассказывала о его матери (с которой близко общалась последние годы ее жизни): «Я знаю, что она родила его еще в лагере. У него там место рождения: поселок 26, Акмолинский лагерь жен изменников родины... Но она вообще просидела там... 11 лет у нее ушло на вот эту жизнь. Из этого времени сколько-то времени она была действительно вне зоны... снаружи поселение. Потом ее отпустили с приобретенным там мужем, потому что Гарик родился от романа, который случился с ней вот в этой лагерной поре» [27]. Мать Гарифа, Фланчик Рахиль Хаимовна, была арестована в 1938 г. в Харькове, приговоренная к пяти годам лишения свободы, была отправлена в Алжир как ЧСИР. По свидетельству Инны, ее свекровь (вместе с лагерным мужем) вышла па поселение в 1946 г. Символичная история произошла с четырехлетним Гарифом Басыров, когда он покидал Казахстан вместе с матерью. В поезде уголовники проиграли его в карты. Гарифа хотели выкинуть из поезда. Мать умоляла их, «валялась в ногах», чтобы мальчика оставили в живых. Его пожалели, он остался с матерью. [27]

Одна из сложностей исследования темы детей, рожденных или живших в лагере, заключается в желании матерей оградить детей от собственного опыта заключения. Подробности лагерной жизни не озвучивались в семье, женщины не вспоминали об этом почти никогда.

Г. Каретников рассказывал, что о заключении в семье не говорили: «...Я с мамой на эту тему не разговаривал, потому что я понимал, что ей всё это тяжело. Она хранила это внутри довольно долго и не раскрывала. Хотя, конечно, воспоминания пробивались, пробивались...» [24].

И. Басырова вспоминала о своей свекрови: «Она не любила говорить на эту тему, ей не нравилось, я так поняла, что она хлебнула горя, и это было действительно так... Она мне даже как-то сказала, что там было много жестоких историй: охранники к ним относились иногда так... не дай бог, быть привлекательной... Не могу утверждать. Она об этом говорила глухо» [27].

И. Демина историю своих родителей называла «таинственной»: «Я помню, мои родители со мной не говорили об этом никогда. И возраст у меня был такой... Зачем со мной об этом говорить? И вот у меня сложилось впечатление, что моя мама всю жизнь боялась, она боялась всего» [26].

Другой характерной чертой ситуации рождения в лагере является путаница с документами. Рождение ребенка в лагере в документах не фиксировалось. В свидетельствах о рождении не писалось, что дети родились в Карлаге.

Г. Каретников получил свидетельство о рождении, уже будучи взрослым, в 1958 г. в Кутаиси (Грузия): «Вообще, по идее, регистрируют рождение там, и мама говорила, что зарегистрировала она меня в посёлке... Коскопинский аул, посёлок Долинка... И это единственное, что у меня есть — извещение о рождении. В графе «место рождения» указан г. Акмолинск» [24].

И.К. Демина не знает, где именно родился ее старший брат (родившийся еще до освобождения матери). Она утверждала, что старшего брата записали, как и всех рождавшихся на Карабасе детей, на фамилию начальника лагеря — Горностаев. Документов об этом не сохранилось. Ему затем выдали «повторное» свидетельство, где он записан на фамилию отца. Отец с матерью заключили брак в 1958 г. Свидетельство о рождении у нее самой также «повторное», его выдали в 1961 году «перед отправкой в школу». Свое изначальное свидетельство о рождении она видела в архиве ЗАГСа Ленинского района: там она была записана на фамилию матери, в графе отец стоял прочерк [26].

По воспоминаниям Г.А. Семеновой, «дети Карлага были 2-х сортов: I сорт — это дети вольнонаемного состава; II сорт — это дети заключенных. 1. От ЧСИР, арестованных беременными. 2. От ЧСИР, забеременевших в лагерях от «лагерных браков» при переводе их в смешанные отделения Карлага. 3. От бытовичек и уркачек — в результате лагерных браков. Некоторых счастливых детей заключенных ЧСИР и осужденных по 58-й статье забирали из лагеря родственники, если такие оставались на свободе. Остальных детей, и от ЧСИР, и от 58-й статьи, и бытовичек смешивали в одну кучу, там были и дети сифилитиков и алкоголиков, дети туберкулезников и пр.

У них, как у детей заключенных, были отдельные ясли и детсады, обслуживалась они бытовиками, которые, конечно, их объедали, обижали и били. С достижением четырехлетнего возраста, если только ребенок выживал, отправляли в дальние детские дома, где их принимали, как детей «врагов народа», с соответствующим к ним «отношением», то есть за ними не доглядывали. Судьбе таких детей не позавидуешь: ни ласки, ни тепла, ни тем более любви они не видели. Большинство из них болели, не вылечивались и погибали. Бытовички обслуживали их кое-как, например, кормили малышей так: запихнут рот до отказа кашей, так что ребенок чуть не задохнется и не может ее проглотить, и остается, таким образом, голодным, а она пихает уже следующему, их не интересовало даже, сыт ли ребенок. Сами бытовички были сыты «от пуза» и «в тепле». Да если бы нормальные матери видели

это обращение с их детьми, они бы рвали на себе волосы. Оставшиеся в живых дети были затравленными, настороженными зверенышами, ничего детского в них не было, это можно сказать, были «доходяги» [5; 87].

Тяжелейшие, невыносимые для взрослых заключенных условия, были еще более невыносимыми для детей. Уровень смертности продолжал расти. В Справке начальника санотдела Владимирова было отмечено, что «за 1943 г., в целом, по Карлагу умерло 226 детей. Основные причины смертности: во-первых, дети, прибывшие с внешним этапом, в основном в большинстве — дистрофики, гипотрофики и больные туберкулезом. Так, из 91 ребенка, прибывших из других лагерей и тюрем, умерло 57 детей (62 %); во-вторых, недостаточное по калорийности питание беременных и матерей (1926 детей родилось до 3 кг). Всего 20 % матерей могли кормить детей грудным молоком; в-третьих, гриппозная инфекция дала тяжелые осложнения; в-четвертых, умерло от туберкулеза легких в основном из числа этапированных». Смертность, обозначено в Справке, давали в основном два детских дома — Чурубай-Нуринский и ЛСО, получающие этапных детей и детей новорожденных. Самарский дом младенца не имел ни одной смертности за 1943 г., Бидаикский — 18, Акмолинский — 6 [28; 4]. Среднемесячное количество детей в 1941 г. — 1001 человек, из них умерло — 202 (20 %); в 1942 г. из 805 детей умерло 314 (39 %); в 1943 г. — из 733 детей умерло 216 (29 %); в 1944 г. — из 837 человек умерло 182 (21,7 %). [29; 22].

Заключение

Детские воспоминания о Карлаге субъективны. В них много общего, в чем-то они противоречат друг другу. Но схожи они в одном: лагерное детство было голодным и полным страданий, болезней и унижений. Некоторые из детей Карлага отказывались и сегодня давать интервью. Травмы «лагерного детства» так и остались неотработанными. Уходят из жизни последние «дети Карлага», сохранены единицы их воспоминаний и свидетельств. В силу своей редкости, они составляют бесценный исторический источник.

При ликвидации Карагандинского ИТЛ из-за недостатка архивохранилищ был уничтожен огромный массив документов лагеря, которые должны были храниться без ограничения срока. Усилиями архивистов собраны более двух тысяч документальных подтверждений фактов рождения и первоначального пребывания детей на территории Карлага [5; 4]. Сколько детей в Карлаге было всего за все годы — неизвестно. Ни полных списков родившихся, ни списков рожениц, ни иных документов из медико-санитарной службы в архив не сдавалось / не опубликованы / не найдены. Поиск и сохранение, систематизация и анализ источниковых материалов становятся все более актуальными. Проблемы «Дети Карлага», «лагерная детская повседневность», «лагерное детство» требуют глубоких и системных исследований.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН АР14871138 «Дети ГУЛага: из истории казахстанских лагерей и спецпоселений» (ГФ МОН РК) на 2022–2024 гг.

Список литературы

- 1 Иванова Г.М. История ГУЛага: 1918–1958 / Г.М. Иванова. — М.: Политическая энциклопедия, 2015. — 415 с.
- 2 Beatty B. Preschool Education in America: The Culture of Young Children from the Colonial Era to the Present / B. Beatty. — New Haven: Conn, 1995.
- 3 Дети ГУЛага. 1918–1956 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский. — М.: МФД, 2002. — 631 с.
- 4 Охотин Н. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. / Н. Охотин, А. Рогинский. — М.: Звенья, 1999. — С. 35–75.
- 5 Дулатбеков Н.О. Мамочкино моласы — Мамочкино кладбище — Mamochkino cemetery / Н.О. Дулатбеков. — Караганда: Изд-во «Болашак», 2015. — 104 с.
- 6 Енсебаева М. «Мамочкино кладбище»: как хоронили детей репрессированных женщин [Электронный ресурс]. / М. Енсебаева. — Режим доступа: <https://informburo.kz/stati/mamochkino-kladbishche-kak-horonili-detey-repressirovannyh-zhenshchin.html>.
- 7 Wilson T. Bell. Sex and Soviet Power in the Gulag of Western Siberia / T. Bell Wilson // Havighurst Center for Russian and Post-Soviet Studies. — 2010. — 27 p.
- 8 Rooney K. The memory remains: children's experiences in the Soviet GULAG during the Stalin era (1929-1953) / K. Rooney // History. — 2012. — N 489. — 27 p.

- 9 Craveri M. Growing up in the Gulag: later accounts of deportation to the USSR / M. Craveri, A.-M. Losonzy // FMSH-WP. — 2014. — N 62. — P. 2-15.
- 10 MacKinnon E. Childhood and the Soviet Gulag, 1929-1953 / E. MacKinnon // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. — 2012. — N 2203. — 68 p.; MacKinnon E. Motherhood and Survival in the Stalinist Gulag / E. MacKinnon // Aspara. — 2019. — N 13. — P.65-94.
- 11 Журавлев С.В. Счастливое детство / С.В. Журавлев, А.К. Соколова // Социальная история: Ежегодник. 1997/1998. — М., 1998. — С. 159–203.
- 12 Михайлов М.И. Дети ГУЛага на Кольском Севере / М.И. Михайлов // Вестн. ТГУ. — 2010. — № 2(82). — С. 248–257.
- 13 Соегов М.С. Из Ашхабада в Москву через Хабаровск: Дети ГУЛага в воспоминаниях и фотографиях / М.С. Соегов // Ученые заметки ТОГУ. — 2017. — № 1(2). — С. 27–37.
- 14 Шаймуханова С.Д. Политические репрессии в Казахстане (30–40-е–начало 50-х гг.) / С.Д. Шаймуханова. — Караганда, 2000. — 180 с.
- 15 Кукушкина А.Р. Акмолинский лагерь жен «изменников родины: история и судьбы / А.Р. Кукушкина. — Караганда, 2002. — 184 с.
- 16 Бастемиев С.К. Исправительные учреждения Казахстана (историко-правовой аспект) / С.К. Бастемиев. — Павлодар: Кереку, 2009. — 258 с.
- 17 Дети Карлага / сост. В.В. Горецкий; Центр правовой статистики и информации при прокуратуре Карагандинской области. — Караганда, 1999. — 59 с.
- 18 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. Р-9414. — Оп. 1. — Д. 1009. — Л. 236–244.
- 19 Архив Управления Комитета правовой статистики и специальным учетом Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан по Карагандинской области. — Ф. 16. — Д. 12. — Л. 347, 348.
- 20 Архив УКПСи СУ ГП РК по Карагандинской области. — Ф. 16. — Д. 13. — Л. 228, 229.
- 21 Архив УКПСи СУ ГП РК по Карагандинской области. — Ф. 16. — Д. 40. — Л. 236.
- 22 ГАКО. — Ф. 1171. — Оп.1. — Д. 1967. — Л. 34–37.
- 23 ГАКО. — Ф. 1171. — Оп.1. — Д. 13. — Л. 61.
- 24 Интервью с Г. Каретниковым. Записано А.Г. Гладышевой в Москве в 2015 г.
- 25 Тамара Викторовна Косталевская говорит. Вся наша жизнь. Воспоминания Галины Ивановны Левинзон и рассказы, записанные ею. — М.: Мемориал, 1996. — 162 с.
- 26 Интервью с И.К. Деминой (Желобенко). Записано А.Г. Гладышевой в Караганде в июне 2022 г.
- 27 Интервью с И. Басыровой. Записано А.Г. Гладышевой в Москве в 2014 г.
- 28 Архив УКПСи СУ ГП РК по Карагандинской области. — Ф. 16. — Д. 447. — Л. 4.
- 29 Архив УКПСи СУ ГП РК по Карагандинской области. — Ф. 16. — Д. 455. — Л. 22.

З.Г. Сактаганова, А.Г. Гладышева

Қарлаг балалары: асырау жағдайлары — естеліктер мен архив материалдары негізінде

Қарлаг тұтқындары контингентінің бірі аналарының қайғылы тағдырын бөліскен балалар және олардың көпшілігі / кейбіреулері лагерьде «ОСОМ» — «Отанын сатқындардың отбасы мүшелері» ретінде болды. Мақалада Қарлагтағы балалар лагері тақырыбының тарихнамасы зерттелген, авторлар отандық тарихнамадағы «Қарлаг балалары» мәселесі үзінді түрінде өте үстірт зерттелгенін, жүйелі, іргелі еңбектер жоқ деген қорытынды жасайды. Сонымен қатар мұрағат материалдары, естеліктер және Қарағанды ЕТЛі бұрынғы кішкентай тұтқындарының сұхбаттары негізінде Қазақстанның ең жаман лагерьлерінің біріндегі лагерь өмірінің көріністері мен асырау жағдайлары қарастырылған. Мақаланың деректік негізі ХХ ғасырдың 30-50 жылдардағы жазба тарихи дереккөздердің негізгі үш түрімен ұсынылған: ГУЛАГ лагерьлері бойынша нормативті-құқықтық құжаттар; Қарлагтың іс жүргізу құжаттамасы және Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясының мұрағат қорларынан алынған балалардың саны, өлімі туралы статистикалық материалдар және т.б. Авторлар мақалада Қарлаг тұтқындарының естеліктерінің үзінділерін, сондай-ақ осы мақала авторларының бірінің Қарағанды ЕТЛі бұрынғы тұтқындарынан алынған сұхбат материалдары пайдаланылған. Зерттеуге ҚР мұрағат қорларының (Қарағанды облысының мемлекеттік мұрағатының Қарлаг саяси бөлімінің қоры; Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитетінің Қарағанды облысы бойынша басқармасының мұрағатындағы Қарлаг басқармасының қоры) және РФ (Ресей Федерациясының Мемлекеттік мұрағатынан КСРО Ішкі Істер министрлігінің ұстау орындарының Бас басқармасының құжаттары (ҰОББ) қолданылған.

Кілт сөздер: ГУЛАГ, Қарлаг, ГУЛАГ балалары, ОСОМ, Қарлаг балалары, Қарлаг тұтқындары, лагерлік балалық шақ, ЕТЛі-гі балаларды асыраудың шарттары, лагерьдегі балалардың күнделікті өмірі.

Saktaganova Z.G., Galdysheva A.

Children of KARLAG: conditions of detention based on materials from archives and memoirs

One of the contingents of Karlag prisoners were children who shared the tragic fate of their mothers, many of whom ended up in the camp as “MFTM” – “members of the families of traitors to the Motherland”. The article considers the historiography of the children's camp theme in Karlag, the authors summarize that the problem of “children of Karlag” in domestic historiography has been studied fragmentarily and superficially, there are no systemic, fundamental works. In this publication, an attempt is made, based on archival materials, memoirs, and interviews of former little prisoners of the Karaganda FLC, to trace the conditions of detention and fragments of camp life that ended up in one of the most sinister camps in Kazakhstan. The source base of the article is represented by three main types of written historical sources of the 30s-50s. of the 20th century: legal documents on the GULAG camps, records management documentation of the Karlag and statistical materials from the archival funds of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation on the number, mortality of children, etc. The article uses fragments of the memories of the prisoners of Karlag from published collections, as well as interview materials taken by one of the authors of this publication from former prisoners of the Karaganda FLC. The article involves documents from the archival funds of the Republic of Kazakhstan (the fund of the Political Department of the Karlag from the State Archive of the Karaganda region; the fund of the Karlag Administration from the Archive of the Office of the Committee for Legal Statistics and Special Records of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan in the Karaganda region) and the Russian Federation (the fund of the Main Directorate of Places of Detention (GUMZ) of the Ministry of Internal Affairs of the USSR from the State Archive of the Russian Federation).

Keywords: GULAG, Karlag, children of the Gulag, ChSIR, children of Karlag, prisoners of Karlag, camp childhood, conditions for keeping children in labor camps, children's camp everyday life.

References

- 1 Ivanova, G.M. (2015). *Istoriia GULaga: 1918–1958* [History of Gulag: 1918 -1958]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia [in Russian].
- 2 Beatty, B. (1995). *Preschool Education in America: The Culture of Young Children from the Colonial Era to the Present*. New Haven. Conn.
- 3 Yakovleca, A.N. (Eds.). (2002). *Deti GULaga. 1918–1956*. [The children of Gulag. 1918-1956]. Moscow: MFD [in Russian].
- 4 Okhotin, N., & Roginskii, A. (1999). *Iz istorii «nemetskoi operatsii» NKVD 1937–1938 gg.* [From the history of “German operation” NKVD 1937-1938.]. Moscow: Zvenia [in Russian].
- 5 Dulatbekov, N.O. (2015). *Mamochkino molasy — Mamochkino kladbishche — Mamochkino cemetery*. Karaganda: Izdatelstvo «Bolashaq» [in Kazakh, in Russian, in English].
- 6 Ensebaeva, M. «Mamochkino kladbishche»: kak khoronili detei repressirovannykh zhenshchin [“Mamochkino cemetery”: how to bury children of repressed women]. Retrieved from <https://informburo.kz/stati/mamochkino-kladbishche-kak-horonili-detey-repressirovannykh-zhenshchin.html> [in Russian].
- 7 Wilson T. Bell. (2010). *Sexand Soviet Powerin the Gulag of Western Siberia*. *Havighurst Center for Russian and Post-Soviet Studies*.
- 8 Роoneyт, К. (2012). The memory remains: children's experiences in the Soviet GULAG during the Stalin era (1929-1953). *History*, 489.
- 9 Craveri, M., & Losonzy, A.-M. (2014). Growing up in the Gulag: later accounts of deportation to the USSR. *FMSH-WP*, 62
- 10 MacKinnon, E. (2012). Childhood and the Soviet Gulag, 1929-1953. *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*, 2203; MacKinnon, E. (2019). *Motherhood and Survival in the Stalinist. Aspasia*, 13.
- 11 Zhuravlev, S.V., & Sokolova, A.K. (1998). *Schastlivoe detstvo* [Happy childhood]. *Sotsialnaia istoriia: Ezhegodnik. 1997/1998 – Social History: Yearbook* [in Russian].
- 12 Mikhailov, M.I. (2010). *Deti GULaga na Kolskom Severe* [Deti Gulag na Kolsko Severe]. *Vestnik TGU – Bulletin of TSU*, 2(82) [in Russian].
- 13 Soegov, M.S. (2017). *Iz Ashkhabada v Moskvu cherez Khabarovsk: Deti GULaga v vospominaniakh i fotografiakh* [Ashgabat to Moscow through Khabarovsk: Deti Gulag in memories and photographs]. *Uchenye zametki TOGU – Academic Notes TOGU*, 1(2) [in Russian].
- 14 Shaimukhanova, S.D. (2000). *Politicheskie repressii v Kazakhstane (30-40-e–nachalo 50-kh gg.)* [Political repressions in Kazakhstan (30-40s - early 50s)]. Karaganda [in Russian].
- 15 Kukushkina, A.R. (2002). *Akmolinskii lager zhen «izmennikov rodiny: istoriia i sudby* [Akmola camp and “home of traitors: history and destiny”]. Karaganda [in Russian].
- 16 Bastemiev, S.K. (2009). *Ispravitelnye uchrezhdeniia Kazakhstana (istoriko-pravovoi aspekt)* [Correctional institutions of Kazakhstan (historical and legal aspect)]. Pavlodar: Kereku [in Russian].
- 17 Goretskii, V.V. (Eds.). (1999). *Deti Karlaga* [Children of Karlag]. *Tsentr pravovoi statistiki i informatsii pri Prokureture Karagandinskoi oblasti*. Karaganda [in Russian].

- 18 GARF [State Archive of the Russian Federation]. — F. R-9414. — Op.1. — D.1009. — L. 236–244 [in Russian].
- 19 Arkhiv Upravleniia Komiteta pravovoi statistiki i spetsialnym uchetam Generalnoi Prokuratury Respubliki Kazakhstan po Karagandinskoi oblasti [Archive of the Department of the Committee of Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan for the Karaganda region]. — F. 16. — D. 12. — L. 347, 348 [in Russian].
- 20 Arkhiv Upravleniia Komiteta pravovoi statistiki i spetsialnym uchetam Generalnoi Prokuratury Respubliki Kazakhstan po Karagandinskoi oblasti [Archive of the Department of the Committee of Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan for the Karaganda region]. — F. 16. — D. 13. — L. 228, 229 [in Russian].
- 21 Arkhiv Upravleniia Komiteta pravovoi statistiki i spetsialnym uchetam Generalnoi Prokuratury Respubliki Kazakhstan po Karagandinskoi oblasti [Archive of the Department of the Committee of Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan for the Karaganda region]. — F. 16. — D.40. — L. 236 [in Russian].
- 22 GAKO [State archive of Karaganda region]. — F. 1171. — Op. 1. — D. 1967. — L. 34–37 [in Russian].
- 23 GAKO [State archive of Karaganda region]. — F.1171. — Op.1. — D. 13. — L. 61 [in Russian].
- 24 Interviu s G. Karetnikovym. Zapisano A.G. Gladyshevoi v Moskve v 2015 g. [Interview with G. Karetnikov recorded by A.G. Gladysheva in Moscow in 2015] [in Russian].
- 25 Tamara Viktorovna Kostalevskaia govorit. Vsia nasha zhizn. Vospominaniia Galiny Ivanovny Levinzon i rasskazy, zapisannye eiu (1996). [Tamara Viktorovna Kostalevskaia says. All our life. Memoirs of Galina Ivanovna Levinzon and stories written down by her]. Moscow: Memorial [in Russian].
- 26 Interviu s I.K. Deminoi (Zhelobenko). Zapisano A.G. Gladyshevoi v Karagande v iune 2022 g. [Interview with I.K. Demina (Zhelobenko) recorded by A.G. Gladysheva in Karaganda in June 2022] [in Russian].
- 27 Interviu s I. Basyrovoi. Zapisano A.G. Gladyshevoi v Moskve v 2014 g. [Interview with I. Basyrova recorded by A.G. Gladysheva in Moscow in 2014] [in Russian].
- 28 Arkhiv Upravleniia Komiteta pravovoi statistiki i spetsialnym uchetam Generalnoi Prokuratury Respubliki Kazakhstan po Karagandinskoi oblasti [Archive of the Department of the Committee of Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan for the Karaganda region]. — F. 16. — D. 447. — L. 4 [in Russian].
- 29 Arkhiv Upravleniia Komiteta pravovoi statistiki i spetsialnym uchetam Generalnoi Prokuratury Respubliki Kazakhstan po Karagandinskoi oblasti [Archive of the Department of the Committee of Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan for the Karaganda region]. — F. 16. — D. 455. — L. 22 [in Russian].